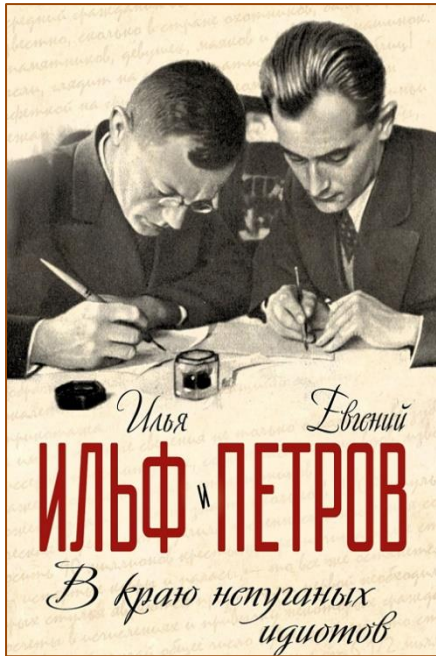

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. МНОГОЭТАЖНЫЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК К 120-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ

Авченко Василий,
приморский писатель,
лауреат Общероссийской литературной премии «Дальний Восток» им. В. К. Арсеньева,
г. Владивосток

Зачем после смерти Ильфа Петров отправился на Колыму?

Илья Ильф скончался от туберкулёза в апреле 1937 года. Уже в июле его друг и соавтор Евгений Петров прибыл на Дальний Восток как спецкор «Правды». В интервью главной газете Дальневосточного края «Тихоокеанская звезда» он объяснил: «Я исполняю своё давнее и горячее желание и желание моего друга. Мы много слышали и читали об этом замечательном крае, часто мечтали о поездке на Дальний Восток. Теперь мне удалось осуществить эту мечту, но, к сожалению, одному». К 120-летию со дня рождения Петрова, которое отмечается 13 декабря (30 ноября), я рассказываю о малоизвестных деталях этой долгой поездки.

Поезд идёт на Восток

Ещё в «Двенадцати стульях» Ильф и Петров писали: «Дальневосточный курьер (поезд) огибают Байкал, полным ходом приближаясь к Тихому океану. Муза дальних странствий манит человека». В «Золотом телёнке» Бендер, получив от Корейко заветный миллион и ощутив душевный вакуум, тоже собирался к тихоокеанским берегам: «Уже Остап замыслил долгое и спокойное путешествие во Владивосток, рассчитав, что поездка в оба конца займёт три недели...». Великий комбинатор, как мы знаем, не доехал ни до Владивостока, ни до Рио-де-Жанейро. Мечту соавторов и их героя исполнил один Петров, но и у него не всё сложилось так, как задумывалось.

На Дальнем Востоке Петров провёл несколько летних и осенних месяцев 1937 года. По телеграфу передавал заметки в «Правду», публиковал в «Тихоокеанской звезде» фельетоны о недостатках торговой сети, отсутствии в хабаровских ресторанах рыбы, грязи в гостиницах, страсти местных чиновников к бессмысленным и бесконечным заседаниям. Можно сказать, что он принял эстафету от Аркадия Гайдара, который в 1932 году работал в штате ТОЗа и публиковал острые материалы о бюрократах, порядках в психбольнице и т. д. В те годы Дальний Восток переживал настоящее паломничество мастеров культуры. В пограничный край больших строек ехали буквально косяками не только комсомольцы и строители, но и кинематографисты с литераторами: Фадеев, Фраерман, Долматовский, Кетлинская, Павленко, Герасимов, Довженко, братья Васильевы... Встретив на хабаровском вокзале очередную партию «хетагуровок», – девушек, отправившихся на Дальний Восток по призыву депутата Верховного Совета СССР Валентины Хетагуровой (женщин тогда на Дальнем Востоке отчаянно не хватало), – Петров написал:

ИМЕНА И ДАТЫ

Евгений Петров

«Дальний Восток – это страна чудес... Недаром сюда стремится молодёжь со всех концов Союза... Дальневосточный край вызывает законную гордость у советского гражданина, о нём помнят и интересуются, о нём заботятся так, как, пожалуй, не заботятся ни об одном крае». Полвека спустя ситуация «отзеркалилась»: жители подзаброшенных дальневосточных окраин наперегонки потянулись в столицу и окрестности, регион за 20 лет потерял четверть населения – 2 млн человек...

В марте-июне 1938 года на страницах журнала «Огонёк»,

который редактировал знаменитый журналист, автор «Испанского дневника» Михаил Кольцов, вышло восемь очерков Петрова под общим названием «Путешествие на Дальний Восток». По ним можно реконструировать маршрут писателя: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, реки Амур и Горин, Биробиджан, Владивосток, Колыма. Эти очерки, которые почему-то не включают в собрания сочинений Ильфа и Петрова, интересны и сегодня.

На расплавленной планете

Хабаровск до 1938 года был центром огромного Дальневосточного края. Петров сравнил его со «столицей большого государства, которое находится в состоянии бурного роста», но назвал «наименее интересным местом» региона. Всё, что здесь имеется, – это «три горы, три улицы и тридцать тысяч портфелей». Чиновники-«портфеленосцы» разъезжают в «газиках» и «эмках», переходят из учреждения в учреждение, пьют ситро у киоска и неустанно заседают. За пределами центральных улиц – деревенские дома без канализации и водопровода, «отчаяннейшая грязь» на

немощённых дорогах. На пристани вместо расписания – табличка: «Пароходы отходят в разное время», разговор Петрова с сотрудником справочного бюро носил «абстрактный и даже мистический характер». Зато впечатлила набережная Амура со спорт- и танцплощадками: «Нигде, ни в СССР, ни за границей, я не видел такого количества одновременно танцующих людей». Танцевали здесь, пишет Петров, даже под дождём.

Комсомольск-на-Амуре, заложенный в 1932 году на месте села Пермского и нанайского стойбища Дзёмги, писатель сравнил с Гаграми и Новороссийском, амурские просторы – с черноморским побережьем Кавказа. Он предположил, что со временем Комсомольск «перекочует» на высокий правый берег, поскольку «лучшие портовые города мира расположены на возвышенных местах». Не угадал: Комсомольск так и остался на левобережье.

Петров назвал город «расплавленной планетой, которая ещё не начала затвердевать». В Комсомольске всё находилось «в состоянии бурного движения». Рядом с «копай-городом» из землянок и барачков уже выросли клуб, парк с эстрадой, баня и даже «лачужка» с вывеской «Аэроклуб».

Писатель не мог знать, что в числе строителей города был комсомолец Алексей Маресьев – в будущем лётчик-истребитель, сумевший вернуться в строй после ампутации ног и ставший прототипом героя «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Маресьев строил этот самый аэроклуб и как раз летом

Статья Е. Петрова в «Правде», 17 июля 1937 г.

Фото: предоставлено В. Авченко

ИМЕНА И ДАТЫ

1937 года, 21-летним, совершил здесь первый самостоятельный полёт на биплане У-2.

Другой знаменитый строитель Города Юности – заключённый поэт Николай Заболоцкий. Он, впрочем, попал сюда в начале 1939 года и с Петровым пересечься не мог. Зато одновременно с Петровым в юный город нагрянула киноэкспедиция – здесь снимался фильм Сергея Герасимова «Комсомольск». Для молодого актёра Георгия Жжёнова эти съёмки стали роковыми: по пути в Комсомольск, в поезде, он познакомился с американским военным атташе Файмонвиллом. Того позже уличили в шпионаже, а Жжёнова отправили на пять лет на Колыму.

Если жителей Хабаровска Петров называет по-старому – «хабаровцами» и «хабаровками» (современная норма – «хабаровчане»), то жителей Комсомольска – «комсомольчанами» и никак иначе. Он констатирует: «За пять лет создан большой индустриальный город (в Комсомольске уже пустили судостроительный и авиационный заводы, в 1939-м заложат НПЗ). И, что ещё более важно, за эти пять лет выросли новые люди... Они прошли и блестяще закончили самый трудный факультет высшей жизненной школы – факультет строительства социализма в тайге». Не обходит вниманием недостатки: «Страна слишком любит, слишком ценит Комсомольск, чтобы оставить его без критики... Надо хорошо знать ошибки Комсомольска, чтобы не повторить их в других местах». Критикует дороги, нерасторопных чиновников, которые никак не могут выбрать место для строительства рыбокомбината, из-за чего кета и осётр «медленно и нахально плывут» мимо. Сравнивая ухабы и лужи Комсомольска с комфортными американскими городами, Петров тем не менее утверждает: из Комсомольска не хочется уезжать, потому что здесь властвует идея, а не деньги, как в Америке.

«Попробуйте представить себе Комсомольск, когда он будет оборудован по-американски, – когда появятся там идеальные дороги, гостиницы, бензиновые станции, когда электрические кухни, рефрижераторы, горячая ванна, образцовый ресторан и

(страшно произнести!) туалетная бумага войдут в быт! А ждать уже недолго. Всё говорит за то, что к концу третьей пятилетки это будет достигнуто».

Ещё один строящийся город, тоже «расплавленная планета» – Биробиджан, столица учреждённой в 1934 году Еврейской автономной области, этого дальневосточного прото-Израиля. «Нешуточное дело – вдруг, с такого-то числа сделаться хлебопашцем. Мне кажется, история не знает подобных метаморфоз», – записал Петров. Среди строителей ЕАО был писатель, в будущем фронтовой разведчик, один из пионеров «окопной прозы» Эммануил Казакевич. Он руководил колхозом «Валдгейм» в одноимённом селе, позже – Биробиджанским театром.

На Амуре Петров попал в настоящий шторм и подивился рыбе, похожей на маленькую акулу (косатка-скрипун, она же скрипаль; острые двигающиеся шипы издают на воздухе громкий скрип). На реке Горюн (Горин) сформулировал: «На Дальнем Востоке всё удивительно и громадно. Река Горюн, едва ли известная даже учителям географии, при впадении в Амур достигает ширины Днепра». В нанайском стойбище Бичи отметил: «Революция совершила чудо. Она остановила вымирание нанайского народа... Население значительно увеличилось и продолжает увеличиваться. Шаманы почти совершенно потеряли своё разрушительное влияние. На место шаманов пришла в полном смысле слова героическая советская медицина... Деревушка переполнена маленькими нанайчиками». В стойбище появились кооперативная лавка и даже клуб, где колхозники-нанайцы ставят «спектакли собственного сочинения» под «лозунгами социализма на нанайском языке».

Владивосток запомнился Петрову парходными гудками, запахом водорослей и просмоленного каната, романтикой визжащих лебёдок, качающихся мачт и сверкающих иллюминаторов. «Толпа здесь с некоторым налётом экзотики – вдруг пройдёт китайка с корзиной на голове или подвыпивший

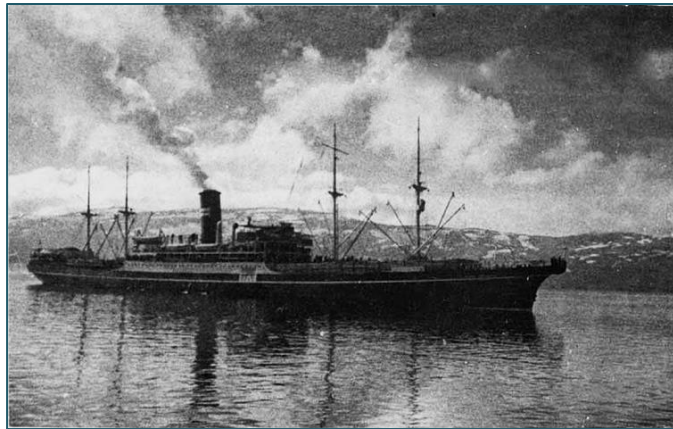
ИМЕНА И ДАТЫ

американский матрос, – но в сущности владивостокская толпа – это обычная советская трудовая толпа: скромные кепки, беретки и майки молодёжи в соединении с белыми картузами, макинтошами и украинскими рубашками более пожилых товарищей представляют собой твёрдо установившийся стиль любой советской улицы в промежутке между маем и сентябрём».

Петров застал закат «вавилонского», азиатского Владивостока. Вскоре из-за угрозы войны с Японией дальневосточных корейцев вышлют в Среднюю Азию, китайцев выселят на родину, японцы уедут сами. А тогда во Владивостоке ещё работал восхитивший Петрова китайский театр.

Дорога на Колыму

Последний из «огоньковских» очерков Петрова называется «Дорога на Колыму». Трест «Дальстрой», созданный для освоения Северо-Востока и добычи золота, работал уже несколько лет. В 1936 году Колыма дала 33 тонны золота, обогнав Калифорнию. Сюда морем из Владивостока везли рабочую силу – вольнонаёмных и арестантов, продукты, машины, оборудование, взрывчатку.

Пароход «Николай Ежов»

Петров прибыл в порт Нагаево (в 1939 году посёлки Нагаево, Магадан и Марчекан сольются в город Магадан) на дальстроевском пароходе, названном в честь главы НКВД Николая Ежова (после ареста последнего в 1939 году переименован в «Феликс Дзержинский»). Из впечатлений от морского перехода: «Пассажиры состояли из «договорников», жён «договорников» и детей «договорников». Это – по горизонтали. А по вертикали они делились на старых «договорников» и новых «договорников»... «Дальстрой» заключает с каждым работником договор на два года. Этот срок человек должен прожить на Колыме безвыездно. Зато потом он получает восьмимесячный отпуск и... довольно крупную сумму. Горя желанием как можно скорее её истратить, он устремляется на «материк». (Колымчане называют территорию Советского Союза от Владивостока до Ленинграда материком, хотя и живут на этом самом материке...) «Договорник» забирает семью и едет на материк, чтобы больше никогда на Колыму не возвращаться. В конце концов, два года работы в районе вечной мерзлоты – это не шутка. С него хватит шестидесятиградусных морозов, экспедиций с ночёвками в палатке, охоты на медведей и адского колымского преферанса. Он хочет в Москву, в Художественный театр, в Третьяковскую галерею, в хорошие рестораны. Его душа жаждет цивилизации и веселья. Но вот, странное дело, проходит восемь месяцев, и «договорник» снова плывёт на Колыму. Теперь он с гордостью принимает кличку «папуас». (Так называют на Колыме людей, проживших в краю больше двух лет. Остальные почему-то называются «австрийцами».) Разумеется, возвращаются не все. Но возвращаются многие. И дело тут, конечно, не в так называемом «длинном рубле». Это вульгарное объяснение, и оно не соответствует истине».

На тех же самых пароходах в те же самые годы на Колыму везли заключённых. Как раз в июле 1937 года, когда Петров колесил по Дальнему Востоку, осудили на пять лет его товарища и покровителя – поэта Владимира Нарбута, вслед за которым Петров когда-то переехал из Одессы в Москву. Осенью того же года поэта

ИМЕНА И ДАТЫ

этапировали в Нагаево, весной 1938 года, в период «гаранинщины» – репрессий, связываемых с именем начальника Севвостлага Степана Гаранина (арестован осенью 1938-го, умер в Печорлаге), – расстреляли. Буквально за несколько дней до Петрова, 14 августа 1937 года, в Нагаево на пароходе «Кулу» в составе очередной партии арестантов прибыл Варлам Шаламов – будущий автор «Колымских рассказов».

28 августа 1937 года газета «Советская Колыма» сообщила: писатель Петров намерен посетить прииски, национальные районы, дорожные дистанции, посёлки, чтобы написать книгу о Колыме. По сведениям магаданского историка Александра Козлова, после встречи с директором «Дальстроя» Эдуардом Берзиным, начальником Севвостлага Иваном Филипповым и редактором «Советской Колымы» Робертом Апиным – Петров получил «добро» на знакомство с колымской жизнью. Уже 29 августа берзинский шофёр Ян Круминь отвёз гостя на гидроаэродром в бухте Нагаева. Отсюда Петров вылетел в посёлок Балаганное, где начал знакомство с основной рабочей силой «Дальстроя» – заключёнными. «Среди них было много женщин, которые в Балаганном, а также в соседнем Талоне занимались выращиванием различных сельскохозяйственных культур... работали на свиноферме, молочной ферме, на рыбообработке... В основном все они находились на «мягком» лагерном режиме, являлись

расконвоированными», – пишет Александр Козлов. По его данным, с арестантами писатель беседовал и в других точках Колымы, представляясь им «просто Петровым», чтобы никого не смущать.

Берзинские времена на Колыме позже вспоминали как благословенные. О первом директоре «Дальстроя» хорошо отзывался Шаламов, знавший его ещё по Северному Уралу, где писатель отбывал первый срок и участвовал в строительстве химзавода под берзинским руководством: «Эдуард Петрович Берзин пытался, и весьма успешно, разрешить проблему

Директор
«Дальстроя»
Эдуард Петрович
Берзин

колонизации сурового края (Колымы) и одновременно проблемы «перековки» и изоляции. Зачёты, позволявшие вернуться через два – три года десятилетникам. Отличное питание, одежда, рабочий день зимой 4–6 часов, летом – 10 часов, колоссальные заработки для заключённых, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми... Тогдашние кладбища заключённых настолько малочисленны, что можно было подумать, что колымчане – бессмертны». В пору «берзинского либерализма» на Колыме разрешали вольные поселения – всё равно бежать некуда, позволяли выписывать «с материка» семьи... «Колымский ад» начался уже после идеалиста Берзина, когда пришли другие времена и другие люди.

Козлов пишет, что Петров задумал книгу под названием «Остров Колыма» и даже начал работу над ней. Сегодня можно лишь гадать об этом замысле. Ремейк чеховского «Острова Сахалина» в новых временных и географических координатах, на что указывает само заглавие? Что-то вроде знаменитой коллективной книги о Беломорканале, задуманной Горьким и

ИМЕНА И ДАТЫ

вышедшей в 1934 году, – о перековке преступников, благотворном влиянии труда и сурового климата? (Кстати, Ильф и Петров хотя и входили в состав писательской группы, ездившей на Беломорканал, но среди авторов коллективной книги не значатся.) Вероятно, крест на колымской книге Петрова поставили вскоре последовавшие события: уже в декабре 1937 года Берзина арестовали, позже расстреляли. Репрессировали и других колымских знакомых Петрова, включая Филиппова и Апина. Петров понимал: для его книги уже – или ещё – не время. Всё ограничилось очерком «Дорога на Колыму», который заканчивался словами: «На пристани нас встретили музыкой. На Колыме есть такая традиция. Каждый рейсовый пароход встречают музыкой». Больше о Колыме Петров не написал ни строки.

Вскоре репрессировали Кольцова, «Огонёк» возглавил сам Петров. В 1939-м писателя наградили орденом Ленина, он вступил в партию. Летом 1942 года военкор Евгений Петров – брат Валентина Катаева, прототип Павлика из катаевской повести «Белеет парус одинокий» и милиционера Володи из книги Александра Козачинского «Зелёный фургон» – погиб в авиакатастрофе, возвращаясь из осаждённого Севастополя.

Было ему, как и умершему пятью годами раньше соавтору, 39 лет.

Писатель Евгений Петров